

ЭТО БЫЛО в Тбилиси в ок-
тябре 1972 года.

Я впервые встретился тогда
с Джорджем Баланчиным, че-
ловеком уже солидного возра-
ста, но с молодецки сияющими
голубыми глазами, стройной,
подтянутой фигурой танцовщи-
ка. Тогда его труппа «Нью-
Йорк сити балле» только что
начала выступать на сцене гру-
зинской филармонии.

— Хотел бы побеседовать с
вами,— сказала я ему по-русски,
зная, что он владеет русским
языком.

— Милости прошу, извольте,
— ответил он на прекрасном
русском языке.— Когда, где?

— Хотите — поедом ко мне,
хотите — встретимся у вас в но-
мере, может, поедом в Миксту
или сядем в каком-нибудь рес-
торанчике в окрестностях Тби-
лиси?

— Нет, времени слишком ма-
ло, а хочется побывать везде.
Даже к Андрею не успел зай-
ти, хотя и приехал третьего
дня,— с улыбкой взглянул на
своего брата, Андрея Мелитон-
овича Баланчивадзе, тогдашнего
первого секретаря правления
Союза композиторов Грузии,
народного артиста СССР, лауре-
ата Государственных премий
СССР и имени Руставели,
почетного гражданина
Тбилиси, неоднократно изби-
равшегося депутатом Верховно-
го Совета республики, профес-
сора.— Может, спустимся в бу-
фет, здесь же, на втором эта-
же, чаю горячего выпьем по
стаканчику. Там и побеседуем.

из дневника писателя

В буфет спустились вчетве-
ром: Баланчин, Баланчивадзе,
Кипиани, тогдашний директор
филармонии, и я. Из зала доно-
сились мелодии Чайковского,
временами слышались аплодис-
менты. Как только мы устрои-
лись за столом, моментально
подошла официантка и обрати-
лась к Баланчину как к старому
знакомому.

— Чего желаете, Георгий Ме-
литонович?

— Мое харчо готово? Смо-
трите, перца красного не за-
будьте. Вы тоже извольте хар-
чо?

Баланчин попросил еще и
стакан вина «Манави».

— Люблю грузинские вина.
Только жаль, что их в Нью-
Йорке днем с огнем не сыскать.
И «Боржоми» не достать. Но
не будем терять дорогого всем
нам времени, чем могу слу-
жить?

— В первую очередь меня
интересует ваша националь-
ность.

— Я американец.

— Я спрашиваю не о граж-
данстве, меня интересует ваша
национальность,— разъяснил я
как-то в недоумении, ибо не
ожидал подобного ответа.

— Сорок лет я живу в США,
а потому я американец.

— Вашего отца, Мелитона
Баланчивадзе, в Грузии хорошо
знают и помнят как замечатель-
ного композитора, автора из-
вестной оперы «Дареджан цби-
ери» («Дареджан коварная»),
общественного деятеля начала
двадцатого века.

— Дедушка наш, Антон,
был бедным священником в се-
ле Баноджа Кутаисской губер-
нии. Мы оттуда родом,— как-
то неуверенно разъяснил Ба-
ланчин.

— Бабушка наша была Мике-
ладзе,— вставил для ясности
Андрей Мелитонович.

— Я имеретинец! — как бы
находя себя, воскликнул Ба-
ланчин.— Георгий Мелитонович
Баланчивадзе.

— Имеретинец то же самое,
что грузин.

— Тогда я грузин.

— Музыкальный талант, на-
верное, унаследовали от пред-
ков?

— Наш дед тоже хорошо
пел,— сказал Георгий Мелито-
нович.— Очень мне нравятся
грузинские народные песни.

Особенно восторгаюсь семиго-
лосными. Обязательно исполь-
зую их. Перед грузинской му-
зыкой я в долгу.

— С Грузией какие воспоми-
нания вас связывают?

— Отец. Помню... Хорошо

помню... В первые годы рево-
люции в Петрограде был голод.
Все наши в ту пору были в
Грузии, а на Неве я один. От го-
лода распух, пожелтел. Лежу
на кровати, еле дышу и жаду
конца... Вдруг открывается
дверь и входит отец: «Сынок,
Георгий, что с тобой?» С тех
пор, как только бывает мне
трудно, моментально в мыслях
возникает образ отца, он вы-
таскивает из любой беды, то-
чно так, как тогда в Петрогра-
де, когда полумертвого остро-
рожно приводил в чувство гру-
зинской едой. Отец — мой бог,
образ его всегда рядом.

— Как встретил вас грузин-
ский зритель?

— Встретил очень тепло, лю-
бовно. Прекрасно разбирается
в балете. В Нью-Йорке ежем-
инутно интересуемся кассовым
сбором. Здесь же билеты даже
для Андрюши не мог достать.
Говорят, рекламы нет, газеты
мало пишут. Здесь реклама не
нужна! Тбилисцы и без рекла-
мы хорошо принимают.

— Встречались ли вы с на-
шими соотечественниками там,
в Америке?

— Раньше бывало. В Нью-
Йорке собирались. Помню, для
тех встреч даже грузинскую чо-
ху сшил с салонками; наши
танцы танцевали, песни пели.
Нынче как-то разошлись. На-
верное, возраст виноват.

— Какой язык для вас род-
нее?

— Русский. Мать у нас была
русская. Дома говорили по-
русски. Отец по-грузински гово-
рил только тогда, когда к нам
приезжали гости... В Грузии
мне не приходилось жить, од-
нако язык все-таки хочу изу-
чить... Обязательно изучу! —
будто извиняясь, энергично за-
метил Георгий Мелитонович.—
Когда приезжаю на берега Не-
вы, я так себя чувствую, будто
к себе домой приехал. В быв-
шем императорском балетном
училище, где я учился, было
прожито много светлых дней.
Тогда для меня было осязаемо
все, что сегодня считается исто-
рической реликвией. Потому-
то мне особенно дорог Ленин-
град.

— Есть ли в вашем характере
что-то от предков?

— Музыкальность... Имере-
тинская вспыльчивость и быст-
рота. Кроме того, обожаю ост-
рую и горькую пищу. Питаюсь
исключительно грузинскими
блюдами собственного изготов-
ления, не могу обойтись без
красного перца. В моем саду в
сорока восьми милях от Нью-
Йорка даже киндзи растет.

— Как оказались за предела-
ми Родины?

Андрей и Георгий переигра-
лись. Затем Андрей горько
улыбнулся, а Георгий рассказал:

— 1923 год был на исходе.
Из петербургского Мариинско-
го театра маленькая балетная
труппа поехала на гастроли в
Германию. Транспорт не был
налажен, передвижение из го-
рода в город было связано с
уимой проблем, а потому про-
срочил срок возвращения. В
один дождливый день получил
телеграмму: «Немедленно воз-
вращайтесь домой, иначе вам
будет худо». Телеграмма была
подписана комендантом Мари-
инского театра Нецецим,— е-
сли при упоминании других фа-
милей Георгий Мелитонович на-
прягался, то эту фамилию он
произнес с ходу, как видно, на-
крепко запомнил.— И я стру-
сил — значит, мои дела уже
плохи, и... остался,— завершив
сказ тяжелым вздохом, Георгий
Мелитонович грустно посмо-
трел на брата...

— Да, глупая случайность,—
тяжело вздохнул и Андрей Ме-
литонович, а мой собеседник
сразу среагировал легкой улыб-
кой:

— А случайности мудрые не
бывают...

— Есть ли у вас дети?

— Вот они и есть мои де-
ти,— кивнул в сторону сце-
ны,— вся труппа мои дети, без
слов, по взгляду сразу понима-
ют меня. Имел бы я детей, то-
гда обязан был бы думать о еже-
дневном заработке... И с бале-

том не смог бы справиться.
Андрюша вот получает еже-
месячно, даже в месяц два ра-
за, большие деньги, а потому
он и вырастил троих Баланчи-
вадзе: мою любимицу Писка-
ри — заслуженную артистку
грузинского балета, Джарди —
хорошего пианиста и Амира-
на, который... несколько изменил
фамильным традициям — физик.
В молодости я на такую рос-
кошь права не имел. Потом
уже было поздно.

— Что вы думаете о грузин-
ском балете и его осново-
положнике, народном артисте
СССР Вахтанге Чабукиани?

— С грузинским балетом я
незнаком. Что касается Вах-
танга Чабукиани, он тоже вос-
питанник ленинградского рус-
ского балета, который и явля-
ется основой мирового класси-
ческого балета. Думаю, не оши-
бусь, если скажу, что любое
балетное величие вскормлено
на благодатной почве русского
балета. Это так ясно, как два-
жды два — четыре... Вахтанга я
впервые увидел в Нью-Йорке в
тридцать пятом году, во время
его гастролей. Подобного мас-
тера я никогда более не встре-
чал... Нигде... Его фигура, рост,
техника, пластика, огонь, осо-
бенно его прыжок были вели-
копечно не-пов-то-ри-мь! Он
летал на сцене. Был бы счаст-
лив, если бы воспитал хоть од-

ного танцора, подобного ему.
Я смотрел ансамбль Сухишви-
ли и Рамишвили. Блестящий
коллектив. Должен добиться,
чтобы их еще раз пригласили
в Штаты. Хочу их огненными
танцами еще раз удовлетворить
хотя бы свое имеретинское...
самолюбие,— мягко улыбнулся
Георгий Мелитонович.

ЭТА ЗАРИСОВКА датиро-
вана мною 23 октября 1972 го-
да.

Помню проводы Георгия Ме-
литоновича в Тбилисском аэро-
порту. Георгий, Андрей со сво-
ими детьми, Аполлон Кипиани...
Георгий Мелитонович волну-
ется — то подойдет к своей труп-
пе, то к нам подбежит, как бы
раздвоен весь. В этот раз уже
у Андрея Мелитоновича свер-
кают глаза...

— Георгий Мелитонович,—
улучил я минуту.— Вот здесь
два короба: в одном вина —
«Киндзмараули», «Хванчкара»,
«Манави», «Оджалеша»... в дру-
гом — «Боржом».

Обрадовался по-детски, подо-
звал своего помощника, передал
подарки и наказал доставить
до его дома в целости и сохран-
ности.

— Весь мир объездил, где
только не был, но таких теплых
и душевных людей, как в Гру-
зии, нигде не встречал. В этот
приезд я вторично родился гру-
зином...

...В 1982 году в сентябре я
был в Нью-Йорке всего три
дня. Во время осмотра города
гид привез нас к резиденции
«Сити-балле» и рассказывал
об основоположнике американ-
ского балета Джордже Бала-
нчине, о великом мастре, вос-
питаннике несравненной рус-
ской балетной школы, о его
труппе...

Я внимательно слушал рас-
сказ гида, а в конце спросил:
— Не могли бы вы помочь
встретиться с Баланчиным?

На лице гида из туристиче-
ской фирмы «Томас Кук» по-
явилась чуть насмешливая
улыбка.

— Не только встретиться, но и
по телефону невозможно с ним
поговорить... К тому же гово-
рят, будто он тяжело болен...

Я смолчал...
Вечером, придя в гостиницу,
я набрал номер, которым меня
еще в Тбилиси снабдила пле-
мянница маэстро Пискари. По-
слышался женский голос:

— Алло!

— Будьте добры, попросите
Георгия Мелитоновича,— отве-
тил я по-русски.

— Кто спрашивает? — спро-
сила женщина по-английски. Я
назвал себя.

Через некоторое время в
трубку послышался надломлен-
ный голос ослабевшего челове-
ка:

— Слушаю вас!
— Я Гиви Карбелашвили, ре-
дактор газеты «Самшобло», е-
сли еще помните...

— Как нет, помню, дорогой,
помню, генацвали, очень даже
хорошо помню, только вот... я
очень плох... — как-то по-детски
пожаловался еле слышным го-
лосом.— Перенес воспаление
легких... чуть дышу. Скоро, на-
верное, мой дух к отцовскому
пожалует... — маэстро перевел
дыхание и добавил:— Если, ко-
нечно, доберется.

— Желаю вам здоровья!

— Это невозможно! — без
того слабый голос стал еще ти-
ше, но «закрутиться» явно не
спешил.— Передайте Андрюше,
что я его очень люблю. О моей
болезни ни слова. Только обя-
зательно передайте, что мне
каждую ночь снятся отец... Он
все утешает меня и напомина-

ет, что я имеретинец, то есть
грузин...

С болью распрощались, а со-
всем недавно мир узнал, что в
Нью-Йорке на восьмидесятом
году жизни после продолжи-
тельной болезни скончался вос-
питанник русского, родоначаль-
ник американского и блестящая
«звезда» мирового балета — внук
баноджского священника Анто-
на, сын славного петербургско-
го грузина Мелитона, брат
известного советского компози-
тора Андрея — Георгий Мелито-
нович Баланчивадзе, который
по велению судьбы в Америке
назывался Джорджем Баланчи-
ным...

Гиви КАРБЕЛАШВИЛИ.

● Гиви Карбелашвили,
Джордж Баланчин, Андрей
Баланчивадзе.

Фото Э. Гичилашвили.